

Г. И. ЛАВРЕНТЬЕВ (Глазов)

ЗАРОЖДЕНИЕ ПРОТЕЗ И ЭПЕНТЕЗ В ВОЛЖСКОМ ГОВОРЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Характерная особенность строения марийских слов, как и слов других финно-угорских языков, состоит в том, что они допускают весьма ограниченное количество сочетаний двух или более согласных в начале и конце слова. Соответственно этой закономерности в заимствованиях из русского языка с несколькими начальными согласными в начале слова появлялся протетический гласный *ə*, который как бы разгружал группу согласных, например: *əšlapa* 'шляпа', *əskā-rt* 'скирда', *əzβe-r* 'зверь', *əskla-t* 'склад', *əskripka* 'скрипка', *əskamña* 'скамья', *əška-p* 'шкаф', *əstāra-m* 'срам', *əžne-jke* 'жнейка', *əžyu-t* 'жгут', *əštra-p* 'штраф' и т. д. Как видно, неэтимологический начальный *ə* присоединялся к комбинации согласных с начальными фрикативными звуками *s, z, š, ž*.

Аналогичное выступление вторичных гласных зарегистрировано также после группы согласных в абсолютном конце русских заимствований, например: *a-pente* 'агент', *remo-nto* 'ремонт', *ta-nke* 'танк', *ba-nke* 'банк', *o-tpusko* 'отпуск', *pāro-pusko* 'пропуск', *pārodu-cto* 'продукт', *tāra-cte* 'тракт' и т. д. Вторичные гласные, как показывают приведенные примеры, выступали при сочетаниях согласных с конечными смычными глухими. Выбор неэтимологического гласного в этом случае зависел от лабиальной гармонии гласных.

При заимствовании многих русских слов, оканчивающихся на сочетание безударного гласного с последующим исходным согласным, в волжском говоре происходит своеобразная компенсация, т. е. возмещение опускаемых безударных срединных гласных *o* или *e* вторично появляющимися в абсолютном конце гласными. Примеры: *pojra-tke* 'порядок', *əspi-ske* 'список', *zada-tke* 'задаток', *βoti-ŋge* 'ботинок', *pođa-rke* 'подарок', *osta-tke* 'остаток', *pošo-lko* 'поселок', *si-tse* 'ситец', *ta-nse* 'танец', *oku-rko* 'окурок'. Вторично возникающие конечные гласные подчиняются закону губной гармонии гласных.

В исследуемом говоре не менее часто встречается эпентеза, т. е. вставка гласных в сочетаниях согласных русского заимствования. Примеры на эпентетические гласные, появившиеся между начальными согласными: *kāle-βār* 'клевер', *βāla-s* 'власть', *tāra-ktār* 'трактор', *əspāra-pke* 'справка', *izira* 'зря', *kārγori* 'Григорий', *karaβa-t* 'кровать', *tāru-sik* 'трусик', *βürema* 'время', *kāβa-rtəl* 'квартал', *pulaška* 'плошка'; между неначальными согласными: *portope-l* 'портфель', *sociali-zām* 'социализм', *me-tār* 'метр', *kre-māl* 'кремль', *li-tār* 'литр', *pu-nkāt* 'пункт'. Представленные примеры свидетельствуют о том, что 1) эпентетические гласные

возникали в начальных и конечных комбинациях согласных в том случае, если второй частью сочетаний в большинстве случаев были плавные *r* и *l*, которые как бы проявляли заложенный в своей природе и существовавший в потенции слоговой характер; 2) в качестве вставочных звуков могли выступать самые различные гласные — *ä*, *i*, *a*, *ü*, *u*, *o*, но чаще всего *ä*; появление различных гласных ни от чего не зависит; 3) в срединных и конечных сочетаниях трех согласных вторичный гласный возникал перед последним согласным.

При этом следует отметить, что явление протезы и эпентезы широко распространено в русских словах, вошедших в марийский язык до революции или в первые послереволюционные годы. В настоящее время в связи с усвоением русского языка представители молодежи произносят многие сочетания согласных в заимствованиях без особых затруднений, таким образом закономерность начала и конца марийских слов не соблюдается и в произношении русских заимствований уже не имеют места эпентеза и протеза. Надставочные и вставочные звуки сохраняются лишь в речи представителей старшего поколения, слабо владеющих русским языком или совершенно не знающих его.

По сравнению с марийским литературным языком в следующих словах волжского говора засвидетельствованы дополнительные гласные и сочетания гласных с согласными: *omasä* 'дверь', *komäla* 'полено, кусок', *jandaβa* 'стекло', *jü-päštö* 'холодно', *sraβo-čäš* 'ключ', *törpöšta-š* 'прыгать', *eteŋge-če* 'вчера', *jü-päštäla-š* 'купаться', *šoräkte-š* 'плачет', *u-ro* 'белка', *šu-jäčko* 'страшно', *ku-ru-ža-š* 'бежать', *jukraka* 'скучно', *ika naka* 'однажды', *samana* 'условия жизни', ср. лит. *омса*, *орва*, *комля*, *йанда*, *йүштö*, *сравоч*, *тöригаш*, *теггече*, *йүштылаш*, *шортеш*, *ур*, *шучко*, *куржаш*, *йокрок*, *икана*, *саман*.

Общемарийские вторичные гласные зарегистрированы также в следующих чувашизмах: *ka-ñäsär* 'беспокойный', ср. чув. *кансär*, тат. *кинсез*; *a-ñäsär* 'узкий', чув. *ансär*, туркм. *инсиз*; *sa-märäk* 'молодой', чув. *самрäk*; *aβe-me* 'человек', чув. *этем* < араб.; *otäza* 'стручок', чув. *хутаç*, узб. *халта* и т. д.

При присоединении к конечному согласному основы аффиксов, которые в древности начинались с согласного звука, в середине слова возникали стечения согласных. Можно думать, что для устранения их в отдаленном прошлом использовались неэтимологические слогообразующие гласные, например: *ste-län* 'стола' < *stel* + окончание *-n*; *ste-läse* 'находящийся на (в) столе' < *stel* + суффикс *-se*; *ku-ru-ku-što* 'в (на) горе' < *ku-ru-k* + окончание *-što*.

В волжском говоре марийского языка в начале исконных слов встречаются согласные, которые не могут быть возведены к финно-угорской языковой общности; они появились в результате процессов, происходивших после дробления праязыка. На почве марийского языка неэтимологический *β* возник в начале следующих волжских слов финно-угорского пласта, начинающихся чаще всего с огубленных гласных: *βu-če-m* 'жду', ср. фин. *odottaa*, морд. *учемс*; *βaδa-r* 'вымя', ср. фин. *udar*, морд. *oδap* < древнеинд. *udhar*; *βürž* 'шило', ср. фин. *ora*, морд. *уро*, венг. *är*; *βo-štär* 'прут', ср. манс. *ac'tap*, *аштер* 'кнут, плеть', венг. *ostor*; *βä-lne* 'олово, свинец', ср. венг. *ön* < *olno*, манс. *öln* 'серебро, золото; деньги'; *βü-lö* 'кобыла', ср. морд. *эльде*, саамн *al'do* и т. д. Как видно, протетическим согласным *β* как бы прикрываются начальные гласные марийских слов.

Протетический *β* известен многим языкам, в частности финно-угорским, тюркским, славянским, ср. коми-зыр. *вӧм*, *вом* 'рот' (коми-перм. *ӧм*, удм. *ым*, мар. *умша*) и *вӧз* 'передний, перед' (удм. *азь*, мар. *ончыл*, фин. *otsa*¹); чув. *валак* 'желоб, корыто' < *улак² и др.; узб. *ват* 'конь'³ (ср. тат. *ат*), белорус. (диал.) *воз'ира* (ср. рус. *озеро*), укр. *вулиця*, *улиця*⁴, рус. *вострый*, *восемь* и др. Следует при этом отметить, что во всех этих языках, как и в марийском, он обнаруживается в незначительном количестве случаев. Для всех приведенных языков характерно также, что соответствия протетического *β* в разных языках той или иной семьи являются весьма спорадическими и нерегулярными. В одних словах какого-нибудь языка он наблюдается, в других же родственных языках в тех же словах его может не быть.

В славянских языках возникновение протетических согласных рассматривается как результат обособления лабиальной и палатальной артикуляций. Происхождение протетического *в*, нерегулярно обнаруживаемого перед гласными, в диалектах коми языка В. И. Лыткин связывает с дифтонгизацией начальных гласных в древнепермском языке-основе.⁵ В. В. Радлов связывал происхождение его в чувашском языке с дифтонгизацией начальных гласных.⁶ Г. Рамстедт⁷ и Б. А. Серебренников⁸ утверждают, что чувашский протетический *в* образовался перед лабиализованными гласными из инкурсии (придыхательного приступа) под влиянием сильно развитого внешнего сандхи. Существует вместе с тем мнение, что начальные «консонантные протезы — своеобразная реализация примыкания двух слогов, открытого и приоткрытого [та—ат], входящих в состав ... разных слов».⁹

Некоторые приведенные выше мнения не противоречат, а скорее всего дополняют друг друга. Примечателен тот факт, что во многих языках возникновение вторичного *в* находится в причинно-следственной связи с характером последующих гласных; протетический *в* главным образом «приживается» перед ударными огубленными гласными. Поэтому самостоятельное происхождение протетического *в* в различных языках могло быть обусловлено одними и теми же причинами, и начальный *в* является результатом усиления и выделения губной артикуляции, участвовавшей в образовании лабиализованного гласного, в са-

¹ В. И. Лыткин, Древнепермский язык, Москва 1952, стр. 99; его же, Историческая грамматика коми языка, Сыктывкар 1957, стр. 113—114.

² M. Räsänen, Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen, Helsinki 1920 (MSFOu XLVIII), стр. 54—57; В. А. Серебренников, Zur Frage nach dem Ursprung der prothetischen Konsonanten *v* und *j* im Tschuwassischen. — Acta Orientalia I, Budapest 1966, стр. 65; М. Р. Федотов, Булгарский язык и его отношение к некоторым финно-угорским языкам (Заметки в области согласных звуков). — СФУ IV 1968, стр. 53—54.

³ А. Ахмедов, Джущкий говор узбекского языка. Автореферат канд. дисс., Ашхабад 1962, стр. 8—19.

⁴ В. К. Журавлев, Генезис протезов в славянских языках. — ВЯ 1965, № 4, стр. 32; Л. И. Ройзензон, К вопросу о протетических согласных в славянских языках. — Труды Узбекского гос. университета. Новая серия, вып. 60, Самарканд 1955, стр. 68.

⁵ В. И. Лыткин, Древнепермский язык, стр. 99; его же, Историческая грамматика коми языка, стр. 114.

⁶ W. Radloff, Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen I. Phonetik der nördlichen Türksprachen, Leipzig 1882, стр. 136, 167.

⁷ G. J. Ramstedt, Zur mongolisch-türkischen Lautgeschichte III. Der *j*-Laut und damit zusammenhängende Fragen. — KSz XVI 1915, стр. 73—74.

⁸ В. А. Серебренников, указ. раб., стр. 63.

⁹ А. М. Щербак, Сравнительная фонетика тюркских языков, Ленинград 1970, стр. 184.

мостоятельную артикуляцию, т. е. в артикуляцию, при которой образуется губной согласный *в*.

В марийском языке зарегистрированы случаи употребления эпентетического согласного *t*, который в отдаленном прошлом возник внутри комбинации согласных *-rn-*. Вторичный звук *t* — исключительно редкое явление. О неэтимологическом *t* можно говорить только на основании трех-четырёх примеров, ср. *še-rtñe* 'верба' — фин. *saarni* 'ясень'; *mö-rtñö* 'икра' — хант. *māren*, манс. *mārñ'ä*; *šö-rtñö* 'золото' — морд. *сырне*, коми, удм. *зарни*, манс. *cōrñ'и*. Как видно, эти эпентезы появились в позиции после переднеязычного дрожащего *r*, т. е. после согласного, артикуляция которого представляет немалую трудность для детей, а нередко недоступна и взрослым. Для того чтобы при произношении сохранить характер каждого элемента комбинации *-rn-*, необходима особая четкость артикуляции смежных согласных. Переход от переднеязычной вибрации к переднеязычно-апикальной смычке и носовому проходу требует существенного изменения положения органов речи. Если при таком переходе хотя бы на самое короткое время задержать кончик языка в положении, соответствующем соприкосновению с альвеолами при *n* и при этом не опускать нёбную занавеску, естественно возникает зародыш неносового смычного *t* (*d*).

В речевом потоке артикуляция звука может наступать несколько раньше, чем ей «полагается». Так, в волжском говоре возникает произношение типа *talāndāra-k* 'сильнее', *šāncālandāra-k* 'соленее', *u, šandāra-k* 'умнее', *küandāra-k* 'более каменистое' и т. д. (ср. лит. *талынрак*, *шинчаланрак*, *ушанрак*, *күанрак*). Происхождение сочетания *-ndār-* с «курьезным» эпентетическим *-dā-* следует объяснять так: слишком рано произведенное поднятие мягкого нёба и закрытие прохода к полости носа в связи с приготовлениями к трудному в артикуляционном отношении согласному преобразовывает *-nr-* в *-ndār-*. Аналогичное явление, должно быть, наблюдается в чувашском языке и говорах татарского языка.¹⁰

Таким образом, в данном случае речь может идти о сознательном стремлении уменьшить трудности артикуляционных переходов в редко встречающихся комбинациях согласных. Не вызывает сомнений также то, что при своём возникновении неэтимологические *-t-* и *-dā-* выступали в произношении сочетаний *-rn-* и *-nr-* спорадически, лишь в речи некоторых индивидуумов.

В волжском говоре засвидетельствован ряд случаев вставки неэтимологического среднеязычного *j*: *pu-jro* 'брага', ср. лит. *ņyrō*, мокш. *пуре* 'медовый квас'; *vojza-k* 'очаг, подтопок' (ср. лит. *возак*) < чув. *вучах*, кумык. *оджак*; *ojza* 'хозяин' (ср. лит. *оза*) < чув. *хуца*, узб., тат. *хужа*; *o-jzāt* 'озимь' (ср. лит. *озым*) < рус. *озимь*; *pojra-tke* (ср. лит. *порядке*) < рус. *порядок*; *rajze-t* (лит. *газет*) < рус. *газета*. Зарожденные эпентетического *j* в перечисленных словах, по-видимому, следует объяснить следующим образом: в артикуляции мягких согласных *ž*, *š*, *r* движение органов речи, которое вызывает их мягкость (дополнительный подъем средней части спинки языка к среднему нёбу), усилилось и образовало самостоятельную фонему *j*. При этом в отдельных словах мягкие согласные как бы повторяются два раза, т. е. рядом с *j*, выделившимся из палатализованного согласного, продолжает выступать тот же

¹⁰ Материалы по грамматике современного чувашского языка, Чебоксары 1957, стр. 97—98; Л. Т. Махмутова, Основные характерные черты мишарских говоров на территории Пензенской области. — Материалы по татарской диалектологии, Казань 1962, стр. 132—133.

мягкий согласный. В других же словах мягкие согласные, уступив палатализацию *j*, закономерно отвердели. Но дело этим не ограничилось. Одновременно здесь произошла метатеза. В следующих словах волжского говора мы также имеем дело, по-видимому, с эпентетическим *j*: *u-jzo* 'самец', *βojsa-š* 'писать', *majska* 'медведь', *βujskemda-š* 'кастрировать', *sajre-m* 'целина', ср. лит. *возаш*, *узо*, *маска*, *вускемдаш*, *сөрем*.

Ниже перечислены слова, в которых налицо некоторое подобие вторичных согласных: *pörsš* 'иней' — ср. коми *пуж*, удм. *пужмер*; *šo-ptār* 'смородина', ср. коми *сэтөр*, удм. *сутәр*; *ju₁t* 'ночь' — хант. *идьим*, *ит'ин'*, манс. *ит* 'вечер'; *pu-jco* 'олень' — удм. *пужей*, коми *пеш*, манс. *пааши*; *joralta-š* 'любить' < чув. *юрат*, уйг., ног. *ярат*; *βu₁rs* 'сталь' < (через стадию утраты *x*) чув. *хурса* 'мутовка', азерб. *күпрз* 'кистень'; *jəyāncā-š* 'икать' (ср. лит. *ййгынчаш*), *jəyālda-š* 'издеваться, насмехаться' (ср. лит. *игылташ*). Ю. Вихманн¹¹ находит вставку *r* в волжском слове *pū-rtñāk šu-do* 'мята' < чув. *пётнёк*, башк. *бётнёк*, тат. *бётнек*.

Появление протетических и эпентетических звуков в слове в большинстве случаев следует связывать с существующей в языке тенденцией к устранению неудобопроизносимых сочетаний звуков и носительных помех. Вставка неэтимологических звуков происходит в ограниченном круге слов, этот процесс нельзя отнести к общелексическим звуковым закономерностям волжского говора.

¹¹ Y. Wichmann, Über eine art "rhotazismus" im tscheremissischen. — FUF IX 1909, стр. 114—119.

G. I. LAVRENTJEV (Glazov)

GENESIS OF PROTHESES AND EPENTHESES IN VOLGA MARI

In Volga Mari prothetic and epenthetic vowels appear in a number of Russian borrowings (e. g. *āskamāna* 'bench', *āška-p* 'bookcase', *āzβe-r* 'wild animal', *āžne-jke* 'reaper'; *remo-nto* 'repairs', *ba-nke* 'bank', *si-tse* 'cotton print', *pojra-the* 'order', *karaβa-t* 'bed', *li-tār* 'litre') and in some words having no epenthetic vowels in literary Mari (e. g. *omasā* 'door', *komala* 'log', *jū-yāštō* 'cold', cf. literary Mari *омса*, *комла*, *үйшүтө*).

The cases of non-etymological *β*- and *-t-* (e. g. *βu₁če-m* 'I wait', *βada-r* 'udder', *βürž* 'awl', *βo-štār* 'twig', *βā-lne* 'lead', *βü-lō* 'mare'; *še-rīne* 'pussy-willow', *mō-rtñō* 'roe', *šō-rtñō* 'gold') can be compared with similar prothetic and epenthetic consonants in other languages. There occur in Volga Mari even some cases of non-etymological *-d-* and *-j-* (e. g. *talāndāra-k* 'stronger', *ojza* 'master', cf. literary Mari *талынрак*, *оза*).

Prothetic and epenthetic sounds have appeared because of the tendency in the language to eliminate sound combinations that are difficult to pronounce and articulatory hindrances.

in der udmurtischen Sprache manchmal als *f* auftreten kann. Ähnliche Fälle gibt es aber wenig. In einzelnen Mundarten der Udmurten ist die Zahl der Wörter mit anlautendem *f* etwas größer als in der Literatursprache. In der bessermurischen trifft man z. B. *f* an Stelle von *j* der Literatursprache in folgenden Wörtern an: *lag* : lit. *lag* 'Nadelwald', *lagit* : lit. *jugit* 'hell', *lag-lag lagot* : lit. *jug-jug jugit* 'sehr hell', *ladens* : lit. *ladni* 'zerstückeln', *legit* — *ledit* : lit. *jegit* 'jung', *legitjos* — *leditjos* : lit. *jegitjos* 'Jugend', *lomas* : lit. *jemis* 'Frucht', *lakma* : lit. *lakma* 'das innere Schloß'.

¹ Siehe H. B. Бубряк, Историческая фонетика удмуртского языка. Издательство Удмуртского университета, Ижевск 1948, S. 64.